

История спасения произведений И. К. Айвазовского из феодосийского музея, известная узкому кругу людей, была озвучена Людмилой Даниленко на научной конференции, посвященной 650-летию восстановления монастыря Сурб Хач и состоявшейся в Крыму на правительственном уровне (Армения, Украина) в 2008 году. В работе конференции приняла участие делегация ученых из Матенадарана им. Маштоца во главе с директором Грачья Тамразяном.

Доклад, по сути, оказался данью памяти двум светлым личностям – супругам Барсамовым. Во время войны эти люди взвалили на свои плечи страшную ответственность и ни разу не попытались от нее уклониться. А ведь никто их за это не осудил бы и не наказал. Шли первые месяцы войны, армия отступала с ожесточенными боями и тяжелыми потерями, города лежали в развалинах, гибли мирные люди и бесценные создания человеческих рук – словом, всюду царили законы военного времени.

Барсамовы, потерявшие в первые дни войны сына, совершили подвиг не меньший, чем ратный. Спасая от войны шедевры Айвазовского, они везли их на восток, в Ереван. Барсамовы были бы очень удивлены такой высокой оценке, так как они считали их естественными и единственно возможными своими действиями в той ситуации. Они принадлежали к поколению людей, накопивших огромный духовный опыт, живших по понятиям совести и с неизменным чувством долга перед родиной, которые верили в ее будущее. И таких людей было немало, помогавших им в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Описывая свои злоключения, Н. С. Барсамов не забывает упомянуть всех, кто помогал им спасти произведения искусства. А история с экспонатами (так называемыми “драгметаллами”), еще раз убедила нас в высоких моральных и человеческих качествах людей того времени. И именно эти ценности особенно востребованы в наши дни.

Н. С. Барсамов начинал свою карьеру в Крыму еще в начале 20-х гг. XX века, занимаясь охраной исторических памятников. Это была трудная, рутинная, но важная и, главное, бескорыстная работа. В эпоху коренной перестройки жизни, в ее небывалой динамике отразились явления, во многом свойственные художественной культуре эпохи, когда вопреки расхожему мнению спасались многие произведения и памятники культуры, к числу которых принадлежал и армянский монастырь Сурб-Хач в Крыму. Людмила Даниленко приводит факты, раскрывающие профессиональные и человеческие качества Н. С. Барсамова, вызывая глубокое уважение к его личности.

Ниже публикуется доклад Людмилы Даниленко под редакцией искусствоведа Марины Степанян. К докладу прилагаются живописные работы Н. С. Барсамова, хранящиеся в фондах Национальной картинной галереи Армении: портреты Л. А. Дурново (1), Э. А. Исабекяна (2) и медсестры Сильвы (3).

От редакции

ЛЮДМИЛА ДАНИЛЕНКО

О РОЛИ Н. С. БАРСАМОВА В СПАСЕНИИ РАБОТ И. К. АЙВАЗОВСКОГО ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ОХРАНЕ АРМЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА

Главная достопримечательность Крыма – Национальная картинная галерея имени Ивана Айвазовского. Точно так же, как знаменитый Лувр является не только музеем Парижа, Эрмитаж не только достояние Петербурга, так и галерея Айвазовского – это музей мирового значения.

Галерея находится в юго-восточной части полуострова, в Феодосии. Феодосия – город с двадцатипятивековой историей – гордится памятниками античности и средневековья. В этом городе в разное время жили такие выдающиеся личности, как А. М. Соковнин, А. С. Грин, М. И. Цветаева и многие, многие другие. Но основной достопримечательностью города остается Дом художника-мариниста. О Феодосии чаще всего вспоминают в связи с тем, что в этом городе родился Иван Константинович Айвазовский (1817-1900), завещавший свою галерею родному городу.

Отец Айвазовского Константин Григорьевич (?-1840), небогатый армянин, занимавший должность базарного старосты, построил дом недалеко от центра, близ армянской церкви св. Саркиса, рядом с фонтаном, называемым армянским. Со двора дома открывался изумительный вид на феодосийский залив и изящную дугу береговой линии.

Младший сын Константина Григорьевича – Иван Айвазовский, блестяще закончивший обучение в Императорской Петербургской Академии художеств, возвратившийся из заграничной командировки, обласканный публикой и критикой, приступил в Феодосии к строительству своего дома. Здание возводил за пределами города, на берегу моря, как загородную дачу, на свои средства, заработанные выставочной деятельностью, по своему проекту, в котором сказалось влияние итальянской архитектуры эпохи Возрождения.

В 1880 году к жилому дому Айвазовским был пристроен Большой выставочный зал. Этот зал (общая площадь 260 кв. метров) торжественно был открыт в июле, в день рождения худож-

ника. Еще не было знаменитой Третьяковской галереи. В России существовало всего два столичных музея, один в Москве, другой в Петербурге и вот появился еще один – в Феодосии! В настоящее время одним из важных достоинств музея является то, что экспонаты находятся в доме, где жил художник.

Долгие годы Большой выставочный зал был центром культурной жизни всего Крыма. В этом зале с великолепной акустикой часто звучала музыка, так как гостями Айвазовского были великие музыканты А. А. Спендиаров, Г. Венявский, А. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, артисты столичных драматических театров. Помимо живописных произведений зал украшали скульптуры, некоторые из которых сохранились по сей день: бюсты М. И. Глинки и А. С. Пушкина, бюсты И. К. Айвазовского.

При жизни художника экспозиция зала постоянно менялась. Картины отправлялись на выставки, с выставок они не возвращались, так как их покупали. В 1900 году, в год смерти художника в доме, в основном, оставались работы последних лет. Айвазовский завещал зал со всеми находящимися в нем картинами городу. К началу войны, т.е. до 1941 года, благодаря активной собирательской деятельности Н. С. Барсамова (директора галереи с 1923 по 1962 гг.) коллекция, имеющая 49 экспонатов, увеличилась до 1404.

С того часа, как в Феодосии с быстротой молнии разнеслась весть о войне, жители потеряли сон и покой. Тревога поселилась в каждой душе. Маленький город провожал на войну близких и родных, получал первые похоронки и ждал сводки информбюро. Сообщения с фронта или неутешительные. Барсамовы, которых в городе знали все, уже получили известие о гибели сына. Самое страшное, что только могло произойти в семье в это время, с ними уже случилось. Как теперь жить, ради чего жить? Справиться с обрушившимся несчастьем помогли обстоятельства.

Директору галереи Н. С. Барсамову было рекомендовано подготовить к эвакуации наиболее ценные экспонаты. Тяжелая физическая нагрузка не оставляла сил на слезы. Горе затаилось, загналось внутрь. Надо было спешить. Н. С. Барсамов принял самостоятельное решение: готовить к эвакуации ВСЁ. Спешно и тайно делали ящики. Многие музеи не успели выехать, все ждали приказа, боялись оказаться паникерами, все были уверены, что враг не пройдет. В результате немцами были разграблены и разрушены хранилища, создаваемые столетиями: Алушкинский, Ялтинский, Евпаторий-

ский, Бахчисарайский, Симферопольский, Керченский, Феодосийский краеведческие музеи, Ялтинский музей восточных культур, Симферопольская картинная галерея.

Николай Степанович ни с кем не спорил, никому не доказывал, что в одночасье картины со стен не снимешь. Он знал – рисковать нельзя. Его не должны застать врасплох. Он решил действовать самостоятельно на свой страх и риск. Но сейчас даже трудно представить себе, как могли снять огромную картину “Среди волн” с тяжеловесной рамой сотрудники музея – женщины и добровольные помощники – подростки-студийцы. А “Наполеон на острове св. Елены”, а “Путешествие Посейдона по морю”?...

Все картины бережно и с величайшими предосторожностями были упакованы и готовы к отправке. Немцы уже были в Крыму. Нужно было уезжать. Приказа ждали со дня на день.

Николай Степанович так охарактеризовал состояние после получения приказа эвакуироваться: “Несмотря на то, что готовились к эвакуации давно, этот момент наступил неожиданно”. Сопровождать коллекцию отправились всего два человека – муж и жена Барсамовы – директор и главный хранитель галереи. Бесценные сокровища отправлялись в дорогу без милицейского сопровождения – такое было время.

Так называемые “драгметаллы”, которыми обильно украшены юбилейные папки, подаренные Айвазовскому различными обществами и организациями, были сданы Барсамовым в 1941 году в отделение Госбанка. В 1946 году эти ценности, хранившиеся в годы войны в Челябинске, были возвращены в другой упаковке, без печатей, но “в полной сохранности, вплоть до мельчайших вещиц”. Низкий поклон всем этим честным и порядочным людям, которые помогли экспонатам добраться до Урала, сохранили их и вернули в Феодосию.

Н. С. Барсамов с трудностями столкнулся еще в Феодосии: сначала не оказалось обещанной машины для перевозки ящиков в порт, потом – разрешения для прохождения в порт через пропускной пункт, а затем выяснилось, что теплоход “Калинин” должен уже отходить, а не терять время на погрузку галерейного имущества.

Как вспоминал в 1980 году бывший капитан теплохода “Калинин” И. Иванов, Барсамов добился с ним встречи. Матросы в небывало короткий срок осуществили погрузку имущества, а Барсамовы не могли попасть на этот корабль сквозь плотную стену людей,

двигающихся к трапу. Даже представить себе невозможно, что было бы с картинами, если бы Барсамовы остались в Феодосии. Их заметил начальник госпиталя Щербаков и помог погрузиться на теплоход. 30 сентября 1941 года около 22 часов теплоход с Барсамовыми и галерейным имуществом вышел в открытое море и взял курс на Новороссийск. Последние сутки были очень напряженными. Николай Степанович не слышал прощального гудка, не видел удаляющегося родного берега. Он спал.

С самого начала войны картины находились в постоянной опасности. Но с той минуты, как они покинули стены своего дома, опасность постоянно преследовала их: произведения могли утонуть, сгореть, и Барсамов, человек, который свою жизнь посвятил музею и этим картинам, не смог бы этому помешать. Николай Степанович прекрасно осознавал это и не питал никаких иллюзий. Он просто должен был сделать все, чтобы спасти коллекцию.

На рассвете при подходе к Новороссийску, словно для того, чтобы доказать, что расслабляться нельзя, в небе над теплоходом появился фашистский самолет. Фашисты часто бомбили и санитарные поезда, и потоки беженцев на дорогах, и корабли в открытом море. Совершая следующий рейс, теплоход "Калинин" был потоплен: в живых остались всего несколько матросов и тяжело раненный капитан.

Но полотнам Айвазовского на этот раз повезло: все смертоносные снаряды уже были сброшены на новороссийский порт. Такие вот случайности будут не раз помогать Барсамовым выполнять свою миссию – спасти великое наследие. Оказавшись в Новороссийском порту, Барсамовы сами должны были искать возможность везти груз дальше. Но как?

Наверное, в годы войны самым страшным местом были вокзалы. Все вагоны были заняты грузами для фронта. Чтобы попасть в вагон, беженцам нужно было преодолевать такие испытания, которые и не снились Одиссею. А о том, чтобы оказаться в вагоне с вещами не могло быть и речи. Барсамов побывал везде, где только можно, и везде получал отказ. Барсамовы вместе с картинами остались под открытым небом. На какое-то время их выручил капитан: он задержал груз на борту судна, пока Барсамовы пытались найти вагон. Но это не могло долго продолжаться. Теплоход покинул порт, а картины были выгружены на берег, и Барсамовы перекочевали с грузом на вокзал,

оказавшись с картинами на привокзальной площади.

В течение месяца Барсамовы неотлучно были возле картин, не оставляя их ни на миг без присмотра, дежуря возле них день и ночь, не позволяя себе укрываться под крышей вокзала даже в непогоду.

И опять, уже в который раз, помогла счастливая случайность. Софья Александровна разговорилась с одним прохожим, а он оказался страстным почитателем творчества Айвазовского и к тому же очень влиятельным человеком – инспектором южной железной дороги по фамилии Александров. С его помощью Барсамовы получили вагон до Краснодара. И картины опять двинулись в путь, все дальше и дальше отдаляясь от Феодосии. Уже в Краснодаре Николай Степанович получил приказ везти картины в Сталинград. Но он опять все сделал по-своему и решил отправиться в Ереван, подальше от беды. Н. С. Барсамов дальновидно заручился официальным приглашением из Армении:

“Правительственная. Краснодар Советская 28 Художественный музей директору галереи Айвазовского Барсамову Управление искусств при Совнарком Армении принимает Ваше предложение переводе галереи Айвазовского Ереван прошу ускорить отправку” – начальник управления искусств Шагинян.

Директор галереи понимал: если случится трагедия, то виноват будет только он – Николай Степанович Барсамов. Чуть больше месяца продолжалось нелегкое путешествие от Краснодара до Армении.

Поразительная энергия и работоспособность Барсамова помогли ему за полмесяца пребывания в Краснодаре развесить картины, открыть выставку, отпечатать в типографии и расклеить афиши. К тому времени, когда немцы стали бомбить Краснодар, Барсамов уже получил на свой заблаговременно сделанный запрос официальное приглашение о переводе галереи Айвазовского в Ереван.

С двумя документами, один за подписью председателя феодосийского горисполкома Никифора Кузьмича Нескородова, другой – начальника управления искусств Армении Шагиняна, в которых было предписано оказывать всяческое содействие грузу и сопровождающим, директор бросился добывать вагон. Но кого могли заставить оказывать содействие эти документы? От них отмахивались, как от мух, ведь были куда более важные грузы. На железнодорожников не действовали ни слезы, ни угрозы. Звучащее

в ответ категорическое “нет” можно было понять умом, но Барсамовы не имели права отступать: они отвечали за то, что поручил им город Феодосия, они не могут не оправдать доверия.

Старожилы города помнят экскурсии Софьи Александровны, я не знаю ни одного человека, который бы при упоминании ее имени не воскликнул бы: “Ах, как она рассказывала”. Вот отчего после Николая Степановича по кабинетам стала ходить его жена, она сумела убедить начальника товарной станции выделить им вагон.

Как они были счастливы, слушая мерный стук вагонных колес, увозивших картины подальше от беды. Барсамов вспоминает, что по дороге они видели следы налетов фашистской авиации. Но им повезло – они благополучно приехали в Ереван. В своих воспоминаниях супруги ни словом не обмолвились о том, что они пережили в этот месяц, как голодали, мерзли, как хотели спать, находясь неотлучно на страже общественного добра.

Николай Степанович был поражен необыкновенной оперативностью, с какой в Ереване были решены все вопросы, связанные с феодосийской галереей. В совещании приняли участие представители правительства, музейные работники, художники, среди которых был и М. С. Сарьян.

В Ереване произведения великого мариниста из собрания феодосийского музея были показаны на выставке. Несмотря на сложную военную обстановку, к открытию экспозиции были подготовлены афиши, пригласительные билеты, создан каталог. Об экспозиции прошла информация в газетах, на это событие откликнулась киностудия, зафиксировав выставку на пленку. Сохранились воспоминания о том, что выставку посетил Аветик Исаакян. Софья Александровна приготовила сюрприз знаменитому поэту, прочитав его стихотворение на его родном армянском языке.

С большим интересом и внимательно знакомился с шедеврами Айвазовского М. Сарьян. Как вспоминал Барсамов: “... романтические бури и кораблекрушения, игра стихий, изображенных с блеском и артистизмом, не захватили Сарьяна. Его гораздо больше заинтересовали картины последних лет, он был восхищен розово-голубой Мариной “Тихое море”, 1899”.

Барсамов написал: “Нас очень радовало уважительное отношение художников Армении к творчеству Айвазовского. Они видели в нем не только выдающегося мастера, но и одного из

основоположников армянской живописной школы”.

Познакомив почитателей Айвазовского с феодосийским собранием, картины упаковали в ящики и подготовили в дорогу, домой, в Феодосию. Ждать пришлось долго. Софья Александровна была зачислена в штат Гос. Музея изобразительных искусств Еревана, а значит “поставлена на довольствие”. Была решена бытовая проблема, связанная с жильем и питанием, что было крайне важно в голодные военные годы. Николай Степанович наконец-то получил возможность заниматься творчеством и воспользовался этим в полной мере. Он оставил на память потомкам изображения залов ереванского музея в те годы.

В композиции картины “В Ереванском музее изобразительных искусств. Французский зал” (1944) на фоне работы К. Верне, рядом с “Амуром” Э. Фальконе за столиком сидит С. А. Барсамова. Это является своеобразным подтверждением того, что ереванские коллеги действительно создали Барсамовым идеальные условия для научной и творческой работы.

В произведении “В Ереванском музее. Итальянский зал” (1942) внимание художника привлек слепок с “Мадонны с младенцем” Микеланджело и расположенный в глубине барельеф “Мадонны” Донателло. Софья Александровна вспоминала, что картина “писалась долго и с любовью, и потому в ней есть какая-то благоговейная тишина и ощущение, что знакомишься с работами великих мастеров”.

При работе над третьим интерьером “В Ереванском музее изобразительных искусств. Голландский зал” (1942) мастером позаимствована манера любимых голландцев: это и приглушенный колорит, и вид через дверной проем, и воспроизведение картины в дорогой раме, и вазы, и роскошная драпировка красной ткани.

В Ереване Н. С. Барсамов написал картину “Десант в Феодосии в 1941 году”. Известие о десанте он получил оригинальным и остроумным образом: газета с сообщением о крымском десанте была прикреплена вместо игрушки на новогоднюю елку”. Возвратившись вечером после трудового дня в свою квартиру, супруги Барсамовы обнаружили праздничный стол, елку, бутылку шампанского и, главное, статью об освобождении Феодосии. К сожалению, вскоре нашим войскам пришлось оставить город. Но 31 декабря 1941 года, как писал Барсамов: “сообщение было настолько радостным, что я тогда же начал работу над картиной”. За три года жизни в

Ереване Н.С. Барсамов написал ряд работ: “Стоять насмерть”, “Враг пришел”. Затем одна за другой были написаны картины “Подарок фронту”, “Письмо из госпиталя”, “Раненный солдат”, “Портрет матроса”, “Портрет медсестры Сильвы” ж-1331.

Как каждого живописца, Николая Степановича не могла не увлечь природа Армении. Он часто писал ереванский сад, свой дворик с розовым старинным домом и большим деревом. Конечно, писались и натюрморты, особенным вниманием пользовались персики и виноград ...

Николай Степанович планировал при первом удобном случае “особо и подробно” написать об исключительном гостеприимстве окружавших их людей, об “удивительном радушии” директора картинной галереи Армении Р. Г. Дрампяна.

Все, кто бывал в Ереване, по личному опыту знают, что это очень гостеприимный, сердечный и радушный народ. Барсамовы там были окружены исключительной заботой, насколько это позволяли условия войны, конца которой все с нетерпением ждали.

Несмотря на относительное благополучие, находясь в глубоком тылу, Барсамовы мечтали о возвращении в разрушенную Феодосию.

13 апреля 1944 года Феодосия была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Узнав об этом, Барсамовы немедленно стали хлопотать об отъезде. Решение этого вопроса затянулось по сентябрь 1944 года. Директор феодосийской галереи регулярно, чуть ли не каждый день напоминал о себе, а в ответ получал телеграммы, подобные следующей: “Разрешение эвакуации будет выслано согласованием правительством Крыма срочного восстановления здания музея. Москва, зам. нач. управления по делам искусств при СНК РСФСР Глина”.

Только 12 октября из столицы пришла долгожданная весть: “Эвакуация разрешена. Деньги перечислены 29 сентября. Гюрджан”.

Уже на следующий день в руках директора Феодосийской галереи имелось распоряжение от начальника управления З. Вартамяна: “В связи с телеграфным распоряжением... прошу Вашего разрешения о предоставлении картинной галерее Айвазовского одного крытого вагона в первой половине октября для направления груза картин от станции Ереван до станции Феодосия”. Начальник комитета искусств т. Вартамян лично попрощался с феодосийцами.

Выехать Барсамовы смогли только после 20 октября. Покидая

гостеприимный Ереван, они через газету “Коммунист” поблагодарили правительство Армении, предоставившее все условия для хранения картин и для ведения научной работы.

С. А. Барсамова оставила свои воспоминания о последних днях пребывания среди армянских коллег: “Провожали нас очень трогательно. Комендант ереванской галереи Пашик пригласил всех музейных работников на проводы Барсамовых. Никогда ни раньше, ни позже не встречали и не провожали нас с такой теплотой и душевностью. Получив вагон, в котором разместились наши ящики, получив паек, которым мы потом питались в продолжение года, получив лекарства на случай болезни, [мы] попрощались с добрыми людьми, с гостеприимным Ереваном и пустились в обратный путь”. Следует отметить, что лекарства пригодились, так как в пути Николай Степанович заболел, Софья Александровна опасалась за его жизнь, но о больнице не могло быть и речи, так как они никогда не согласились бы оставить картины без присмотра. А по поводу продовольственного пайка, предоставленного ереванцами, то о нем с благодарностью вспоминали феодосийцы и через 30 лет после войны.

Путешествие из Еревана в Феодосию продолжалось три недели, и, по мнению Барсамовой, оказалось “еще труднее прежнего”.

“Возвращение” – так озаглавлен один из разделов книги Н. С. Барсамова “45 лет в галерее Айвазовского”. В тексте главы есть строки: “По пути видели печальные следы войны. Ростов, в котором прошло мое детство, выглядел... как пожарище”. Все это как бы подготавливало к тому, что ожидало нас в Крыму, и все же то, что мы увидели при въезде в Феодосию, произвело на нас очень тяжелое впечатление”.

В Феодосию прибыли 5 ноября 1944 года.

Барсамов подробно описал, что представлял собой город, в котором “все было сметено войной”, и каким они увидели Дом Айвазовского. Жалкое зрелище представляла галерея не только снаружи, но и внутри. Никакого предварительно обещанного “срочного восстановления” не проводилось.

О том, какое значение придавалось возвращению коллекций, можно судить по тому факту, что все центральные газеты откликнулись на это событие.

13 декабря 1944 года газета “Феодосия, 12 (ТАСС) пишет: Единственное по полноте собрание картин великого русского мариниста Айвазовского возвращено на родину художника в

Феодосию... После капитальных восстановительных работ в Феодосийской галерее, разрушенной немецкими оккупантами, картины будут вновь выставлены для широкого обозрения”.

Вот что сообщали “Известия” от 17 ноября 1944 года: “По телефону от соб. корр. Картинная галерея всемирно известного художника-мариниста Айвазовского возвращена в Феодосию из Еревана, куда она была эвакуирована перед оккупацией Крыма немцами. Картинная галерея доставлена обратно в полной сохранности... и водворена в прежнее помещение на Приморском бульваре, в дом, где жил и творил Айвазовский. Возвращение картинной галереи, составляющей достопримечательность города, горячо встречено феодосийцами”.

Горожане активно откликнулись на призыв отремонтировать здание музея. Автор книги назвал фамилии всех, кто принял в этом хоть малейшее участие.

Этим занимался весь город, участие в восстановлении приняло каждое предприятие, выделяя из своих более чем скудных в ту пору запасов строительный материал. Так было всегда, эта традиция сохранилась и по сей день: галерея и сегодня получает помощь, к какому бы предприятию не обратилась.

В трудные послевоенные годы такая забота о галерее воспринималась с особой благодарностью. Барсамов это объяснял так: “В эти дни в разоренном войной городе мы с особой остротой почувствовали, как любит народ творчество Айвазовского”.

В наши дни можно понять, как это было непросто – помогать в те годы. Я приведу только один пример. Вот выписка из протокола: “... фонарное перекрытие зала, состоящее из трехрядного остекления, почти полностью разрушено. В окнах остекление отсутствует на 85 %”.

Стекло было нужно всей стране. Чтобы получить его, как это положено по разрядке, надо было бы ждать несколько лет. Может быть, кто-нибудь терпеливо и дисциплинированно и ждал бы, когда ему привезут стекло, но не Барсамов. И вот уже для галереи готовит стекло Донецкий завод. Барсамов обращается в Министерство, в Москву с просьбой выделить вагон. Ответ пришел такой: “Если бы Министерство могло найти вагон, то уже давно бы забрало ваше стекло”. Но то, что не могли сделать в московском министерстве, было по силам Барсамову. Он ради галереи мог сделать невозможное, и специальное стекло галерея

получила в течение двух недель.

В разоренном городе ремонт огромного здания был осуществлен за 5 месяцев. Осталось сделать чисто музейную работу, организовать экспозицию, поднять и повесить на стены огромные холсты, а это еще труднее, чем снимать их. Наконец, очень ответственная, трудоемкая и кропотливая операция позади.

2 мая 1945 года была открыта большая выставка картин Айвазовского для первых послевоенных посетителей. Жителями Феодосии это событие воспринималось как конец войны. Люди плакали и не скрывали своих слез. В Феодосии началась мирная жизнь. Ровно через год галерея была полностью открыта и уже с той поры не закрывалась.

Значительное место в книге Барсамова "45 лет в галерее Айвазовского" уделено рассказу об открытии галереи 2 мая 1945 года. На выставке было представлено 168 работ Айвазовского. Среди них были даже те, которые никогда раньше не выставлялись. То, ради чего были преодолены трудности, свершилось. Самое главное было сделано. Галерея вновь принимала посетителей. Война окончилась. В Феодосии победу праздновали чуть раньше. На 2 мая 1945 года был назначен штурм Берлина. Барсамов, конечно, не знал о планах командования. Открытие было приурочено к 45-летию со дня смерти Айвазовского. Вместе со всей страной, вместе с феодосийцами радость разделили многие почитатели творчества И. К. Айвазовского, в том числе и армянские друзья. Телеграммы, отправлялись не на бланках, а на некачественной бумаге, но они бережно хранятся в фондах галереи. С некоторыми из них предлагаем познакомиться:

"Союз советских художников Армении искренне поздравляет Вас с открытием выставки Айвазовского, посвященной 65-летию существования картинной галереи тчк. Вместе празднуем восстановление музея тчк. Желаем плодотворной работы для окончательного восстановления музея тчк. Правление ССХА".

02.05.1945: "Музей изобразительных искусств Армении приветствует возобновление деятельности галереи в родной Феодосии"

03.05.1945: "Сердечно приветствуем Ваш праздник открытия. Желаем дальнейших успехов в работе, учебе и жизни Хачатрян"

02.05.1945: "Мыслями, чувствами находимся Вами знаменательный день открытия галереи тчк. Сожалею зпт что лично не можем присутствовать. Драммян Манукян Дурново"

Так благополучно завершился немыслимый путь в Ереван и возвращение в 1944 году из Армении в Феодосию. Всего два человека сопровождали бесценный груз.

Николай Степанович в своей книге “45 лет в галерее Айвазовского” пишет: “Считаю долгом сказать, что мы всегда с теплым чувством вспоминаем воинов Красной Армии и флота, оказавших нам помощь в самые трудные, критические моменты при выполнении задания по эвакуации”. Кроме того, он называл и конкретные имена, например, студийцев, подготовивших картины к эвакуации, среди них: В. Шепель, В. Соколов, С. Мамчиц, А. Лейн, А. Макашев, С. Шкадовский, изготовивший ящики для картин “из ничего” Л. Аккерман; председатель горсовета Н. Нескородов, молодой инженер Каверин, начальник феодосийского госпиталя Щербаков, капитан теплохода “Калинин” И. Иванов, инспектор Южной железной дороги А. Александров, директор и главный хранитель краснодарского музея А. Осипова и М. Богоявленский, начальник товарной станции Краснодара, директор ереванского музея Р. Дрампян, начальник управления искусств Армении Шагинян.

Мы с благодарностью перечисляем эти фамилии, так как когда читаешь сообщения о спасении той или другой музейной сокровищницы, то чаще всего встречаешь сожаления автора, который в суматохе забыл спросить имя человека, от которого зависела судьба шедевров. Барсамов же запомнил имена всех и до конца жизни не уставал поминать их добром и увековечил их имена в своей книге.

Очень серьезно занимался вопросами спасения музеев в годы войны столичный журналист Евграф Кончин. Он утверждал: “Феодосийская картинная галерея – из числа немногих, кому удалось вывезти не только наиболее значительные произведения, как рекомендовалось соответствующей инструкцией, но все свои художественные работы, всю музейную документацию, весь архив”.

Все, кто оказывал содействие, действительно совершали подвиг. Шла война, страна жила по ее законам. И только сейчас мы по-настоящему понимаем, что помогать было и трудно, и почти невозможно.

И еще один документ. Он подписан контролером-ревизором Министерства финансов Б. Смольским: “Всего было эвакуировано в

Армению – г. Ереван 1459 художественных произведений и это же количество обратно, в г. Феодосию, эвакуировано. Потерь во время эвакуации не было”.

Армения сыграла значительную роль в том, чтобы прозвучала эта последняя фраза: “потерь во время эвакуации не было”.

В этом году отмечается значительная дата – 650-летие [восстановления] церкви Сурб Нишан монастыря Сурб-Хач. Местные жители, неоднократно посещая этот удивительный уголок Крыма, переживали счастливые минуты. Многие радовали поездкой в монастырь своих друзей и гостей, удивляя их тем, что еще сохранились в мире такие уединенные места, где “слышишь” тишину.

За шесть с половиной веков существования монастырь пережил и расцвет, и запустение. Конечно, и человек, и время, и природные явления отчасти повинны в его разрушении. Несмотря ни на что, монастырь выжил. В наши дни мы преклоняемся перед теми, кто сохранял и восстанавливал его для потомков.

Прежде всего вспомним прославленного живописца, почетного члена императорской Академии художеств, художника Главного морского штаба, профессора, почетного члена многих европейских Академий художеств Ивана Константиновича Айвазовского. Знаменитый художник оказывал Старо – Крымскому монастырю Сурб-Хач материальную помощь, посещал его неоднократно, оставался там подолгу, порой с гостями обедал в окрестностях монастыря.

Армянин по национальности, он много внимания уделял армянской церкви: неоднократно выступал с инициативой написать для церкви картину на библейский сюжет. Судя по частной переписке с друзьями, он постоянно вникал в дела армянской церкви, был внимателен к запросам феодосийской армянской общины, например, хлопотал о замене одного священника или восторженно отзывался о деятельности другого. Айвазовский еще в 40-х годах принимал активное участие в армянской общественной жизни. Будучи еще начинающим, подающим большие надежды молодым художником, он познакомился в Петербурге с католиком всех армян Нерсесом Аштаракеци и в дальнейшем поддерживал с ним отношения, переписываясь с ним на армянском языке. У нас нет сведений о взаимоотношениях со следующим армянским патриархом – Маттеосом Чухаджяном, но все хорошо осведомлены об активной переписке с католиком Геворгом IV. Так, в одном из посланий Геворг IV благодарил Айвазовского за картину, в другом уведомлял о решении Эчмиадзинского Синода. Айвазовский получил от католика приглашение посетить Эчмиадзин, но так и не успел им воспользоваться. (Айвазовский.

Документы и материалы. Ереван. 1967, стр. 189, 237, 255, 283).

В 1892 году католикосом стал Мкртыч Хримян. Известно, что один из самых важных гостей Айвазовского – глава армянской церкви М. Хримян вместе с Айвазовским совершили поездку в Сурб-Хач, чтобы помолиться за армянский народ, отдать дань уважения его традициям, культуре и поддержать деятельность подвижников. В том, что Хримян оказал честь городу Феодосии и монастырю Сурб-Хач – заслуга Айвазовского. Знаменитый маринист одним из первых поздравил Хримяна с избранием на пост католикоса. Затем он отправил от имени крымских армян письмо с просьбой благословить край, ставший их родиной. В 1895 году Хримян, направляясь с визитом в северную столицу, ненадолго задержался в городе Ново-Нахичеване (совр. – Ростов-на-Дону), где всемирно известный художник был представлен новому католикосу. Живописец подарил свои произведения католикосу, армянской духовной семинарии и вновь повторил приглашение посетить Феодосию. На обратном пути католикос побывал в Феодосии, провел службу в церкви св. Сергия (сб. Саргиса), из имени Айвазовского “Шейх-Мамай” совершил поездку в монастырь Сурб-Хач. Иван Константинович устроил обед в честь католикоса. Были произнесены заздравные приветственные речи. О пребывании Хримяна в Крыму художник поделился своими впечатлениями с Г. А. Эзовым – своим постоянным корреспондентом, известным армянским ученым, магистром востоковедения: “...только что проводил патриарха на пароходе. Он со свитой пробыл у нас неделю: три дня в городе и столько же в моем имении. Ездили в старо-крымский монастырь, везде была торжественная встреча и, видимо, он остался, весьма, доволен своим пребыванием у нас. Мы же очень довольны, что имели такого дорогого гостя...”.

(Айвазовский. Документы и материалы. Ереван. 1967, стр.271).

Предположения Айвазовского подтвердились: из Эчмиадзина в письме от 23 ноября 1895 года католикос Хримян еще раз благодарил радушного хозяина за гостеприимство.

В том же году И. К. Айвазовский написал “Портрет католикоса Хримяна в окрестностях Эчмиадзина”. В настоящее время данный портрет экспонируется в одном из залов Национальной картинной галереи им. И. Айвазовского.

Удовольствие от общения было обоюдным. Мало кто мог похвастаться новогодним поздравлением от самого католикоса. Айвазовский получал от католикоса ежегодные рождественские пожелания: “Благословляю Вашу жизнь, желаю Вам долголетия”.

Следует отметить, что И. К. Айвазовский приезжал в монастырь с очень известными, просвещенными людьми. Художник чрезвычайно гордился этой обителью. Он словно “угощал” гостей поездкой в Сурб-Хач.

Прошло всего 20 лет со дня смерти Айвазовского, изменилась историческая, политическая обстановка. Согласно приказам закрывали многие монастыри, взрывали соборы, уничтожали иконы. Монастырю Сурб-Хач требовалась помощь. Об этом свидетельствуют архивные документы Национальной картинной галереи им. И. Айвазовского, связанные с именем Николая Степановича Барсамова – директора галереи с 1923 по 1962 год.

Н. С. Барсамов непродолжительное время занимал должность уполномоченного Крымохриса, где в его обязанности входили учет и охрана исторических памятников в Восточном Крыму. Казалось бы, ни обстановка, ни тем более зарплата не располагали к бурной деятельности. По свидетельству Барсамова “осуществлять дело было трудно, так как не было транспорта, но интересно”. По инициативе Барсамова именно в эти годы была проведена колоссальная работа. Вокруг музея осуществлялось обследование района, закрепленного за музеем, производились обмеры, зарисовки, снятие планов, раскопки, реставрация, изучение. Барсамов не оставался в стороне от исследования исторических памятников и после упразднения Крымохриса. Он активно реагировал на все вопросы, связанные с историей, искусством, культурой, и как армянин не мог не обратить свой интерес к памятникам армянской архитектуры. В частности, он приложил свою энергию, чтобы привлечь внимание к проблемам монастыря Сурб-Хач.

Спустя два года после переезда в Крым, 9 июня 1925 г., Барсамов в составе комиссии, осматривая монастырь Сурб-Хач, составил список его строений и инвентаря и описал их состояние (цитируется по документу):

1. Двери в монастырь и во все строения открыты, а местами совсем отсутствуют

2. Никто при монастыре не живет

3. Инвентаря... не оказалось за исключением:

Конторки для свечей (деревянной) - 1

Ставников – подсвечников (медных) - 8

Икон простых разных, писанных на холсте - 4

Люстр висячих (медных) - 2

Рам простых для икон разного размера - 5

Иконостаса с 6-тью иконами (дерев.)

Колоколов (медных) прикрепленных под навесом над входом храма - 2

Все хозяйственные постройки в полуразрушенном состоянии, в первом жилом корпусе монастыря, состоящем из 9 отдельных комнат площадью каждая по 20 кв. ар., большая часть оконных рам и дверей сняты

Крыша черепичная, в некоторых местах течет

Полы деревянные, в одной из комнат прогнили

Второй корпус состоит из двух этажей, в нижнем 7 полуразрушенных комнат, в верхнем -6, каждая с отдельным входом размером по 18 кв. ар.

Третий корпус расположен в 3 сажнях от монастыря, состоит из 8 комнат с террасой во всю длину здания, крыша железная наполовину снята, во всех жилых зданиях печи совершенно разрушены, в окнах нет ни одного стекла.

Древняя церковь монументальной каменной кладки в хорошем состоянии.

Комиссия находит, что если в самое ближайшее время не будут приняты меры по восстановлению жилых помещений, то они придут в полную негодность и восстановить их позже не будет никакой возможности, в чем и расписываемся

председатель – Трошин

члены – Н. С. Барсамов и А. Л. Василевский».

Барсамов не довольствовался сухим отчетом, не остался равнодушным к судьбе монастыря, досконально вникая в хозяйственные мелочи.

Через месяц он вновь напомнил руководству о проблемах монастыря, просил “принять меры в охране древнего армянского монастыря, (находящегося близ г. Старый Крым) подвергающегося систематическому разрушению” (Д-№ 55 от 22.08.1925) № 44.

Спустя год, используя свое положение в Крымохресе, Барсамов добился разрешения на начало ремонтных работ на территории монастыря. Вот почему его так возмутил вопрос о сносе зданий.

Он пишет резкое письмо в Райисполком: "... возбуждение Старо-Крымскими властями вопроса о сносе этого монастыря свидетельствует о том, что власти на местах, которым поручено наблюдение за сохранностью памятников старины Вашим обязательным постановлением № 42 от 27 июля 1925 г., уже забыли это постановление или даже не знают, что делается с порученными памятниками. Прошу Вас вновь подтвердить властям на местах Ваше обязательное постановление № 42 о необходимости охраны памятников старины. Зав. музеем" и подпись Барсамова (Д-2670, № 93).

Весной 1928 года Барсамов отправил в командировку художника Богаевского К. Ф. в Старый Крым и Сурб-Хач "с целью фиксации и охраны памятников старины".

Константин Федорович не только добросовестно и тщательно произвел обмеры, но и сделал великолепные зарисовки с памятников. Многие акварели были принесены в дар музею. В Старом Крыму Богаевский бывал неоднократно. На учет в фонды картинной галереи взяты его графические работы, датированные 1926, 1928, 1929 годами. ("Сурб-Хач в Старом Крыму. Церковный купол и стены". 1920-е, "Интерьер храма Сурб-Хач в Старом Крыму" 1920-е. "Старый Крым. Сурб-Хач. Вид сверху" 1928, "Монастырский дворик в Сурб-Хач" 1928).

Одновременно с Богаевским в мае 1928 года Барсамов командировал еще одного сотрудника музея – Ф. Г. Попова "для обследования памятников старины в Старом Крыму".

Федор Григорьевич Попов самостоятельно обследовал памятники архитектуры и составил несколько докладов, посвященных служебной поездке в Старый Крым, Сохранились интересные записки о его пребывании на территории монастыря Сурб-Хач. Надеемся, что его зарисовки и заметки будут необходимы тем, кому интересна история именно этого святого места.

Далее из записок Ф. Г. Попова:

(Попов Сурб-Хач пишет с буквой "п" – "Сурп-Хач", мы не исправили это написание)

"Монастырь Сурп-Хач, оказывается, первоначально назывался "Сурп-Нышан". Нышан- знак, знамение, знамя. Генуэзцы называли его "Сурп-Хат", а русские почему-то "Сурп-Георг", к какому названию армяне добавляли "он же Сурп-Хач"

... Основали его выходцы из г. Ани (по книге бывшего

настоятеля монастыря Хорена Степане)

... Надпись на куполе гласит: “Божественный храм славы, рай на земле, древо знания, представляют собой образ неба и местопребывания Троицы. Был воздвигнут в 1358 году во имя Сурп-Нышан при помощи служителя духовного отца Ованеса и братьев его и по духу чад его”.

Другая надпись: “Вновь был отремонтирован как монастырь, так и наружные постройки со всеми пристройками, являющийся престолом всей армяно-григорианской нации. Кафа, Бахчисарай, Кезлев со всеми селами и в Румелии пришли на помощь, когда был архиепископ Адам, воспитанник Константинопольского патриарха Иоанна. 1751”.

Некоторые записи Попов делал для себя. Например, он исследовал плиту, которая по легенде находилась на могиле таинственной Жанны де Ламот Валуа, и пришел к выводу, что мнение о том, что на плите изображена лилия, ошибочно.

Конечно, Попова интересовало все, что связано с монастырем. Он не только пересказал сведения жителей о подземельях монастыря, но и поделился своими догадками по этому поводу: “Странно, что нет кладбища, всего несколько погребений. Это наводит на мысль, что там должны быть подземелья, где хоронили.

Тов. Бэр предполагает, что ход может быть из угловой нижней комнаты боковой пристройки, у самых ворот, где имеется яма шириной 2 глубиной.

... Из Сурп-Хач я отправился на розыски развалин другого монастыря, который, по слухам, был связан подземным ходом с этим”.

В следующем докладе Ф.Г. Попов пишет о финансовых затруднениях, связанных с ремонтом монастыря Сурб-Хач.

“Отремонтированы 2 комнаты в гостинице, осталось прогрунтовать полы и вставить стекло. Обошлись работы более 200 рублей, но расплатиться за эти работы невозможно до получения задерживаемой Горсоветом зарплаты за 1 квартал”.

... “Мною рассмотрен ремонт: верх боковой пристройки приведен в надлежащий вид, на лестнице сделаны перила. Над зданием вне ограды устроена железная крыша и выкрашена в синий цвет. 2 крайние комнаты отремонтированы, а вся середина остается в прежнем разоренном виде. На окончание ремонта нужно еще до 1000 рублей. Деревья фруктовые окопаны, цветут хорошо. Из трех фонтанов действуют два”.

Характерно то, что записки, отправляемые Барсамову, не оставались без внимания, правда, как можно судить по ответу из горсовета, вопросы не всегда решались положительно:

“Относительно включения охраны памятника в смету не может быть и речи, «это непосильный для бюджета Старого Крыма расход и Сурб-Хач даже не входит в городскую черту» председатель Горсовета т. Шорин”.

Барсамов держал под постоянным контролем состояние сохранности монастыря, и после землетрясения 1927 года он немедленно сообщил в музотдел Главнауки о том, что пострадал “монастырь Сурб-хач, близ старого Крыма – вывалилась часть стены площадью 1 кв метр” (Д-2670, № 192).

“Смотритель Старо-Крымских памятников старины и сторож монастыря Сурб-Хач, получавшие в прошлом году зарплату по Областной смете, в текущем году не включены в местный бюджет и второй месяц не получают содержания, о чем сообщая на зависящее распоряжение” (Д-2670, №).

В фондах сохранился и еще один интересный документ:

“Правила посещения бывшего армянского монастыря Сурб-Хач”, составленные 25.05.28 смотрителем памятников старины Старо-крымского района Эдуардом Яковлевичем Бэром:

“1. Бывший армянский монастырь Сурб-Хач для осмотра открыт ежедневно кроме четверга с 8 до 12, с 3 до 7.

2. Воспрещается выламывать камни, делать на стенах надписи, вообще каким бы то ни было образом портить древние сооружения.

3. Виновные в нарушении п.2 задерживаются стражей монастыря и передаются в распоряжение милиции для привлечения к ответственности.

4. Посетители обязаны выполнять все требования стражи, соблюдения тишины и порядка. Находящие действия стражи неправильными, не вступая с нею в пререкания, обращаются к смотрителю памятников старины Старо-Крымского района.

5. В целях поддержания разрушающихся сооружений за вход и осмотр монастыря взимается плата в размере 5 коп. со взрослых и 2 коп. с детей до 15 лет.

6. Для облегчения посещения монастыря выдаются сезонные билеты 50 коп. для взрослых и 25 коп. для детей до 15 лет.

Примечание: Бесплатно допускаются при условии предостав-

ления соответствующих документов музейные работники, ученые, занимающиеся спец. исследованиями и ученики художественных школ”.

Дата написания правил соответствует дням пребывания в монастыре научно-технического сотрудника галереи, и скорее всего, этот документ был также написан не без влияния Н. С. Барсамова.

В наши дни современникам тоже стоит напомнить о правилах поведения на территории монастыря. Сегодня каждый желающий может посетить храм. В основном, конечно, приходят не только ради любопытства, приходят, чтобы приобщиться к святыням. Монастырь Сурб-Хач был построен, как и многие другие монастыри, в уединенном, труднодоступном месте. Для того, чтобы настроиться на особый лад, чтобы насладиться красотой окружающей природы, тишиной, открывающимися далями, нужно пешком подняться к монастырю, от Старого Крыма.

Монастырь Сурб-Хач гордится своей славной богатой историей, благочестием его настоятелей и служителей, архитектурными памятниками, культурными сокровищами, в том числе миниатюрой. В данном случае мы коснулись только тех сведений, которыми располагают фонды картинной галереи. Сегодня продолжается работа по бережному восстановлению монастырского комплекса, требующая огромных финансовых затрат.

По-прежнему, нужна помощь тех, кто почтительно относится к религии, кому дорога красота и история.